

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Н.Л. СУХАЧЕВ | Шарль Балли – теоретик и педагог
Санкт-Петербург | (К 150-летию со дня рождения)

В статье рассматривается вклад Ш. Балли (1865—1947) в теорию общего языкознания и методику преподавания языка. Прослеживаемое в его трудах сопряжение структурного и импрессивного подходов к описанию языка отображает убеждение автора в приоритете «жизни» над «логикой» — в первичности экзистенциальной функции человеческой речи на фоне вторичных для нее коммуникативной и когнитивной функций.

Ключевые слова: *история языкознания; Ш. Балли; общая лингвистика; лингвистическая стилистика; теория высказывания; преподавание языка.*

Шарль Балли представляет языкознание XX столетия, восходящее к идеям «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, именуемое соссюровской или структурной лингвистикой, а в более узком смысле и женеvской школой¹. «К непосредственным ученикам Соссюра причисляют прежде всего обоих издателей его посмертного труда, Шарля Балли и Альбера Сеше, которые на этом фунда-

менте воздвигли логическую и психологическую грамматику. Балли применяет идеи учителя в своем знаменитом тщательном анализе французского языка и при сопоставлении немецкого и французского. Сеше несколько критически развивает теоретическое противопоставление “язык – речь”. К той же школе, именуемой женеvской, принадлежит А. Фрей, более последовательно уяснивший последствия принципа, затрагивающего форму языка, чем другие и чем сам Соссюр»² [Malmberg 1968: 70. – цит. по: Redard 1983: 3 а].

Теоретические предпосылки «общей лингвистики» Балли, явно развивают соссюровские идеи: «Нам известно, что язык возник из речи и что все, что было в языке виртуальным, начинает актуализироваться. <...> Актуализованный знак предшествовал виртуальному знаку» [Балли 1955: 112]. Столь строгое различение «лингвистики языка» и «лингви-

¹ Название восходит к статье А. Сеше, возводившего «женеvскую школу» к 1908 г. [Redard 1983 а: 3, note 2, – ссылка на: Sechehayе 1927: 217]. В это время активно публиковался Балли, а в 1908 г. вышла книга Сеше – почти незамеченная «Программа и методы теоретической лингвистики», посвященная Ф. де Соссюру. Сохранились наброски его рецензии на эту книгу [Алпатов 2003: 8–9; Соссюр 1990: 166–169]. После 1894 г. Балли регулярно посещал лекции Соссюра по санскриту, германистике, индоевропеистике; Сеше был слушателем его лекций по общей лингвистике (1907–1911), см.: [Godel 1983: 56; иначе: Алпатов 2003: 7)].

Суxачев Николай Леонидович, кандидат филол. наук, ведущий научный сотр. ИЛИ РАН. E-mail: nsuh@inbox.ru

² Переводы на русский язык из французских источников принадлежат автору статьи.

стики речи», вроде бы следующее замыслу Соссюра, не представляется продуктивным, особенно на уровне глоттогенеза (точнее – антропосоциогенеза). Но если под актуализуемым знаком (речевым) подразумевать личностный смысл, как правило, конкретизирующий допустимые употребления «словарного слова» – социализованного термина, то нельзя не отметить плодотворность того кропотливого анализа, которому Балли подвергал живую «форму языка» (см. ниже). При несомненной преемственности соссюрсовской лингвистики идеи Балли во многом обусловлены пристальным вниманием к функционированию французского языка, и оно сопряжено с задачами обучения языку.

Ш. Балли (4.02.1865–10.04.1947), завершив гимназическое образование, изучает классическую филологию в университетах Женевы (1883–1885) и Берлина (1886–1889), где защищает инаугурационную диссертацию по лирическим мотивам в трагедиях Еврипида (на латинском языке)³. В 1889–1893 гг. он служит домашним учителем в Греции. По возвращении на родину Балли преподает немецкий язык в коммерческой школе, швейцарскую историю в женской средней школе и, наконец, греческий язык в женевском Коллеже Кальвина (1890–1913). Школьное преподавание он совмещает с обязанностями приват-доцента французской стилистики в Женевском университете (с 1894 г.) и с занятиями по французскому языку для студентов-иностранцев. К 1894 г. относится знакомство Балли с Ф. де Соссюром, приобщившим его к изучению санскрита, а позже (1906–1907) доверившего преподавание этого языка. В ноябре 1903 г. ему предоставляют шестимесячный отпуск, и 5 декабря того же года Балли выступает на заседании Парижского лингвистического общества с докладом о чередовании *l/r* в греческом языке. В Париже он пробудет до июня месяца. В это время состоялось знакомство Ш. Балли и А. Мейе – их переписка содержит не только «информацию, затрагивающую научный обмен между Же-

невой и Парижем в первой трети нашего века, но и упоминания – очень краткие, увы! – относящиеся к предистории “Курса общей лингвистики”» [Amacker 1990: 96].

К начальному периоду педагогической и научной деятельности Балли относятся его публикации, посвященные методике преподавания «мертвых» языков – древнегреческого и латинского (см.: [Bally 1899]), а также современного французского, чье структурное описание [Bally 1905] является и первым обращением к лингвистической стилистике: «Впервые аффективное выражение мысли изучалось само по себе и в своих особых формах: интонация, фигуры речи, синонимы, экспрессивные выражения (*tours expressifs*)» [Godel 1983: 55]⁴. Эта книга и последовавший за нею двухтомный трактат «Французская стилистика» [Bally 1909] доставляют автору широкую известность.

Труд по стилистике в целом Балли рассматривал как методическое пособие (ср. предисловие к II тому):

Эти упражнения были подготовлены, прежде всего чтобы подкрепить по возможности многочисленными и разнообразными примерами методику представления языковых явлений в первом томе “Французской стилистики”. Задачи, поставленные в каждом из упражнений, последовательно, шаг за шагом, поясняют и дополняют основные положения, изложенные в теоретической части указанной книги. <...> Мы также стремились к тому, чтобы избежать слишком сложных и редких, малоупотребительных примеров. Смею надеяться, что эти упражнения, выполняемые под компетентным руководством, помогут обрести знания современного языка *живые и осмысленные* [Балли 2003 а: III].

В 1913 г. Балли унаследует соссюрсовскую кафедру общей лингвистики. Вступительную лекцию по этому случаю он озаглавит: «Фердинанд де Соссюр и современное состояние языкознания» [Bally 1913 а]. В 1939 г. Ш. Балли оставляет кафедру по состоянию здоровья и передает ее А. Сеше. Преодолевая трудности, вызванные резкой потерей зрения, Балли продолжает работать. Одно из последних его

³ Список научных трудов Ш. Балли см.: [Redard 1983 b].

⁴ Цитируемая часть статьи Р. Годеля, впервые была опубликована к столетию Ш. Балли (1965).

обобщений посвящено греческой акцентуации (см.: [Bally 1945]). В 1940 г. он избран почетным президентом Женевского лингвистического общества⁵.

Ш. Балли вместе с А. Сеше (1870–1946) возглавляет так называемую Женевскую школу уже в 20-х гг. XX в. В 1916 г. они издают «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, а на первом Международном конгрессе лингвистов (Гаага, 1928) выступают с докладом, который завершался словами: «Школа де Соссюра, думают некоторые, отводит очень много места спекуляциям, но не надо забывать, что его концепция, наиболее абстрактная, в конечном счете была направлена на практику, давая ей теоретическую базу» (цит. по: [Слюсарева 1998: III]). Второй конгресс по инициативе Балли состоялся в Женеве (1931).

Балли привычно воспринимается как основоположник лингвистической стилистики. Руководитель издательской серии по сравнительной стилистике, рассматриваемой в аспекте методики перевода, подчеркивал:

Есть *внутренняя стилистика*, представляющая собой в пределах данного языка изучение его мыслительных и аффективных составляющих, устанавливающая взаимозависимость одних из них от других. Такой подход заложен в основу «Французской стилистики» Балли. Наряду с внутренней, имеется *стилистика внешняя*, или *сравнительная*, которая сопоставляет характерные особенности двух и более языков. Ш. Балли приводит ее образцы, когда в «Общей лингвистике и вопросах французского языка», чтобы лучше охарактеризовать французский, противопоставляет, с одной стороны, немецкие примеры, а с другой – французские...⁶ [Malblanc 1961: 15].

Можно заметить, что в последнем случае речь идет о зарождении контрастив-

ной лингвистики – сравнения синхронных языковых срезов.

Броский тезис Балли: французский язык «любит ясность», а немецкий – «склонен к уточнениям» [Балли 1955: 391, ср.: Гак 2003: 13]⁷, был подхвачен, например, датским лингвистом В. Брёндалем [Brøndal 1936].

Идея создания стилистики, которая имела бы значение для изучения всех сторон общенародного языка, в русском языкознании восходит к известной статье Г.О. Винокура «О задачах истории языка» (1941) (см.: [Винокур 1959]). В наиболее известной книге женевского языковеда «Общая лингвистика...» (1932)⁸ уделено внимание прежде всего «статическому» аспекту – состоянию языка или с и н х р о н и и. Основным источником ее изучения называется устная речь. Причем автор несколько переоценивает «тенденции», ведущие к изначальному восприятию языка говорящими в его изустной форме, справедливо призывая изучать его в связи с поведением и эмоциями человека. Само высказывание (предложение) Балли рассматривает как единство д и к т у м а суждения о чем-либо и м о д у с а, передающего лексическими и грамматическими способами «оттенки чувства или воли». Особо выделены актуализаторы, преобразующие, по замыслу Балли, язык в речь⁹: в языках синтетических (латинский, немецкий) – это, например, показатели времени и наклонения, обычно видоизменяющие форму слова (аффиксы, чередования в основе); в аналитических языках (французский)

⁷ Далее поясняется: «точность в речевой деятельности противостоит ясности так же, как эксплицитный знак – произвольному» [Балли 1955: 392]. Подразумеваются мотивированные и немотивированные формы слов.

⁸ Название книги перекликается с названием двухтомного труда А. Мейе «Историческое языкознание и общая лингвистика» (1921–1936).

⁹ Допускать преобразование языка в речь – равнозначно отделению в сознании языка от мышления. Различаются лишь уровни «мысли-речи»: прагматически-ориентированный, синсемантический, логико-дискурсивный ее типы. Но понятие «актуализатор» удачно сопрягается с задачами стилистики, усматривающей за мodusми высказывания его эмотивный подтекст.

актуализаторы чаще представлены служебными словами – артикли, безударные местоимения и т.п.

Лингвистическая стилистика, ограничиваемая рамками «статической лингвистики», похоже, задумывалась Балли в качестве своего рода лингвистики речи. Р. Годель вспоминает:

Темы лекций приоткрывали то, что было его постоянной заботой: применить к изучению живых языков – особенно к французскому и немецкому – общую теорию языка, в которой соссюрские принципы сочетались с очень индивидуальной точкой зрения. <...> Даже в своем курсе по санскритской грамматике он оживлял объяснение фактов предварительным их обоснованием с помощью компаративистских методов. Его речь, напряженная, трепетная, придающая заинтересованности мысли, им излагавшейся, некое драматическое звучание, чего, впрочем, он не добивался и что не исключало юмора. Зато он умудрялся поддерживать внимание своих студентов или доставлять им удовольствие от открытия, вдруг предложив для раздумий редкую конструкцию, оборот непринужденной французской речи или текст индусской поговорки [Godel 1983: 56].

С французской стилистикой Ш. Балли связана разработка теории фразеологии. Без ссылок на Балли не обходится ни одно исследование фразеологизмов, начиная с относительно ранней попытки пересмотреть его классификацию устойчивых оборотов речи (см.: [Вульфийус 1929: 116–117]). Она легла в основу синхронной классификации фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности, данной В.В. Виноградовым (см.: [Виноградов 1946: 143–145]) и дополненной и переработанной Н.М. Шанским (см.: [Шанский 1957: 116–122]):

В «Кратком очерке стилистики» (*Précis de stylistique*, 1905): Ш. Балли все фразеологические обороты – в отличие от свободных сочетаний слов (*les groupements libres*) – разделил на три разряда: обычные сочетания (*les groupements usuels*), возникающие тогда, когда свобода выбора ограничена определенными пределами (*une grave maladie* – *тяжелая болезнь*), фразеологические группы (*les séries phraséologiques*), образующиеся

тогда, когда два понятия почти сливаются в одно (*remporter une victoire* – *одержать победу*), и фразеологические единства (*les unites phraséologiques*), которые обозначают одно неразложимое целое (*faire table rase* – *очистить место*). По существу ту же самую классификацию фразеологических оборотов мы находим в его более поздней книге “*Traité de stylistique française*”. <...> Ш. Балли не расчленил среди фразеологизмов, образующих оборот, эквивалентный по семантике слову, два принципиально разных разряда, объединяя их в фразеологических единствах (*les unités phraséologiques*)» [Шанский 2009: 77].

В то же время Балли рассматривал различные переходные случаи в фразеологических группах, а также полагал, что «прямое отношение к фразеологии» имеют «языковые штампы», «которые представляют собой связующее звено между всеобщей речевой практикой и индивидуальным творчеством», относя к ним и «крылатые слова» [Балли 2009: 92–110].

Идеи «статистической лингвистики», возникшие не без влияния Ф. де Соссюра, излагаются Ш. Балли уже в книге «Язык и жизнь» (1-е изд.: 1913):

Первая обязанность того, кто занимается грамматикой, состоит в объяснении фактов языка в пределах одного периода времени (здесь и далее выделено мной. – Н.С.): он должен черпать значение лингвистических фактов внутри системы, определяя их через связи с мышлением. <...> К несчастью, стремясь в основном к описанию развития языков, лингвисты слишком мало занимаются механизмом их функционирования. И если результаты исторической лингвистики в самом деле радуют, то статическая лингвистика только начинает свое становление. <...> Вынужденные изучать изменения действия механизма во времени, мы забываем, что механизм этот существует для того, чтобы функционировать [Балли 2003: 171].

Можно лишь уточнить, что, если не замыкаться на психическом «механизме», но оперировать цельным сознанием¹⁰

¹⁰ Сознание – это высшая форма нервно-психической деятельности, образуемая неотъемлемым от него речевым мышлением (ср.: [Сухачев 2011: 60]). Различия же между языком и речью акцентируют лишь моменты высказывания

в динамике его становления и функционирования, любая синхрония начинает обретать меньшую или большую глубину, что обусловлено культурой говорящего – ее историческим охватом (без культурного субстрата человек говорящий деградирует до состояния Симплициссимуса – простак из одноименного романа Гриммельсхаузена).

Грань между историческим и синхроническим (функциональным) не является непроницаемой. Это тем более очевидно, чем более внимание лингвиста задерживается на значении – на мысли о нем; ему Балли уделял особое внимание не только в теоретическом аспекте, но и как педагог:

Если бы, полагаясь на языковое чутье своих учеников, мы смогли бы усовершенствовать их способность выражать свои мысли, если бы для этого использовался метод, основной принцип которого состоял бы в демонстрации того, что все в языке имеет свое значение и, напротив, каждая идея может быть выражена сразу несколькими способами, можно было бы, по крайней мере, быть уверенным в том, что таким обучением мы не противоречим естественному ходу событий и что, вместо чуждых реальной действительности традиционных правил, позднее естественно возникли бы более рациональные объяснения [Там же: 171].

И вряд ли можно вообразить десемантизированную стилистику. Не случайно Р.А. Будагов в послесловии к «Общей лингвистике...», не всегда соглашаясь с «рядом теоретических положений» автора, подчеркивает:

...анализ языкового материала в этой монографии дан, хотя иногда и спорно, но очень остро и интересно. Умение всесторонне, глубоко и тонко исследовать конкретные языковые явления, связывать, казалось бы, разрозненные языковые факты в единое и стройное целое, замечать такие “движения языка”, мимо которых равнодушно проходят

(устного или письменного), на которых задерживается исследовательское внимание. Примечательно замечание А. Мартине: «Единственная фонологическая реальность есть лингвистическая реальность, данная нам в форме речи (parole), именуемой иными “текстом” в широком смысле» [Martinet 1948: 118].

менее одаренные авторы, – все эти качества присущи труду выдающегося швейцарского лингвиста [Будагов 1955: 19].

Вклад Балли в методику преподавания языка оказался менее заметным. Память Балли-педагога его ученик Р. Годель почтил следующими словами:

На протяжении всей своей карьеры, начиная от преподавания в учебных заведениях средней ступени до преподавания в высших учебных заведениях, на своих занятиях и в своих трудах, до самого своего выхода в отставку, Балли всегда стремился быть одновременно ученым и педагогом. <...> Многие учителя, авторы учебных пособий, опубликованных в нашей стране за последние тридцать лет, обязаны ему рекомендациями и советами. Однако хотелось бы пожелать, чтобы его столь здравые и полезные мысли ... были более востребованы теми, кто, обучая языку, видит в этом преподавании нечто иное и более важное, нежели тренировку памяти, догматическую грамматику или банальные упражнения в разговорном языке [Годель 2003: 227].

Ж. Вандриес, отмечая огромное влияние Ф. де Соссюра на лингвистическую выучку Ш. Балли, обратил внимание и на другой источник:

Целиком посвятив себя преподаванию древних языков Греции и Индии, он согласился вести семинар по современному французскому языку в Женевском университете. Более того, он участвовал в летних курсах и с самого начала играл на них ведущую роль. Благодаря совершенному владению немецким он руководил практическими занятиями, где занимались немцы и французы, то есть где студенты, говорящие на одном из языков, обучались другому. <...> Остроумно и с редкой проницательностью он представлял тонкости обоих языков, проводя параллели между их возможностями и узусами, сопоставляя их характерные признаки и извлекая из их сравнения совершенно новое видение особенностей этих языков. Выгода, которую он сам обретал, огромна. Он работал с живым и подвижным материалом, полным творческих возможностей и духовно богатым. Это побуждало его не только фиксировать свою мысль и выверять свои взгляды на природу языка, но и всякий раз открывать для наблюдения новые сюжеты, которым предстояло стать материалом его прекрасных будущих обобщений [Vendryes 1947: 50].

Тесная связь лингвистических трудов Ш. Балли с практикой преподавания, темпераментно обрисованная Вандриесом, полагаю, может подвинуть и отечественных словесников к более близкому знакомству с ними.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. Альбер Сеше и история лингвистики // Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики психологии языка. – М., 2003.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955 (переизд.: М., 2001).

Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961 (переизд. 2009).

Балли Ш. Упражнения по французской стилистике. – М., 2003 (а).

Балли Ш. Язык и жизнь. – М., 2003 (б).

Будагов Р.А. Шарль Балли и его работы по общему и французскому языкознанию // Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (1947) // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.

Вульфийс И.М. К вопросу о классификации идиомов // Русский язык в советской школе. – 1929. – № 6.

Гак В.Г. О книге Шарля Балли «Язык и жизнь» // Балли Ш. Язык и жизнь. – М., 2003.

Годель Р. Речь, произнесенная на похоронах Шарля Балли 12 апреля 1947 г. президентом Женевского лингвистического общества // Балли Ш. Язык и жизнь. – М., 2003.

Слюсарева Н.А. Предисловие // Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М., 1998.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М., 1998.

Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. – М., 1990.

Сухачев Н.Л. Речевое мышление и высказывание (к содержанию соссюрских понятий *langage*, *langue* и *parole*) // Laurea Logae: Сборник памяти Л.Г. Степановой. – СПб., 2011.

Шанский Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка. – М., 1957.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 2009.

Amacker R. Correspondance Bally – Meillet (1906–1932) // CFS. – 1989 (1990). – № 43.

Brøndal V. Le français – langue abstraite. – Copenhagen, 1936.

Bally Ch. Les langues classiques sont-elles les langues mortes? Quelques réflexions sur l'enseignement du grec et du latin. – Genève, 1899.

Bally Ch. Précis de stylistiques. Esquisse d'une méthode fondée sur l'étude du français moderne. – Genève, 1905.

Bally Ch. Traité de stylistique française. P.; Genève, 1909. Vol. 1–2.

Bally Ch. Ferdinand de Saussure et l'état actuel des linguistiques: Leçon d'ouverture du cours de linguistique générale, lue le 23 octobre 1913. – Genève, 1913. (a)

Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. – Paris, 1932.

Bally Ch. Manuel d'accentuation grecque. – Berne, 1945.

Bally Ch., Sechehaye A. Quelles sont les méthodes les mieux appropriées à un exposé complet et pratique de la grammaire d'une langue quelconque? // Actes du 1er Congrès international des linguistes à la Haye du 10–15 avril 1928. – Leiden, 1930.

CFS – Cahiers Ferdinand de Saussure (Genève). – 1941. – № 1.

Godel R. Le souvenir de Charles Bally (1865–1947) // CFS. – 1982 (1983). – № 36.

Godel R. L'école saussurienne de Genève // CFS. – 1984 (1985). – № 38.

Malblanc A. Stylistique comparée de français et de l'allemand: Essais de représentation linguistique comparé et Étude de traduction. Paris, 1961. (Bibliothèque de stylistique comparée. 2).

MalMBERG B. Les nouvelles tendances de la linguistique. – Paris, 1968.

Martinet A. [Réc.:] Michel L. La phonologie [Buxelles, 1941–1942] // Lingua (Haarlem, Holland), 1948. – Vol. 1. – № 1.

Redard G. Charles Bally disciple de Ferdinand de Saussure // CFS. 1982 (1983). 36 (a)

Redard G. Bibliographie chronologique des publications de Ch. Bally // CFS. – 1982 (1983). 36 (b)

Vendryes J. L'œuvre linguistique de Charles Bally // CFS. – 1946–1947. – № 6.